

Не было родней, не было красивой,
Не было больней, не было счастливой,
Не было начала, не было конца...
Отряд не заметил потери бойца.

Егор Летов

Скажи мне, зачем тогда статуи падали вниз, в провода,
Зачем мы стрелялись и шли горлом на плеть?
Она положила мне палец на губы, и шепчет:
«Делай, что хочешь, но молчи, слова — это смерть».
И наши тела распахнутся, как двери, и — вверх, в небеса,
Туда, где привольно лететь, плавно скользя.
А там, как всегда, воскресенье, и свечи, и праздник,
И лето, и смех, и то, что нельзя. То, что нельзя...
Борис Гребенщиков, «Елизавета»

На пути к сообщительности

Михаил Немцев,

социальный антрополог,
преподаватель философии,
редактор рубрики «Тема номера»,
Новосибирск,
nemtsev.m@gmail.com,
mnemtsev.livejournal.com

Подготовка номера, тема которого заявлена как «**Доверие и сообщительность**», оказалась неожиданно трудной. Коллеги — социологи и журналисты, от которых я ожидал интереса к такой теме номера и с кем пытался обсуждать возможное сотрудничество — не проявляли живого интереса и вежливо уходили от детального обсуждения. По интенсивности внимания, проявляемого к каждой очередной теме номера, можно делать какие-то выводы, осторожные: что интересно, что не интересно, что привлекает внимание соотечественников. Так вот: тема доверия и общественных связей, общественной сообщительности — не интересна.

Говорить о «доверии» в таком недоверчивом обществе, как современное

На съёмках фильма «Кочегар». Источник: www.kinomania.ru.

российское, — это, несомненно, довольно странное занятие. С одной стороны, «доверие» — это частая, общеупотребимая и оттого — уже проходная фигура речи российской политической риторики. Используя это слово, рискуешь попасть в колею известной манеры призывов доверять и соучаствовать, с которыми «власть» обращается к народу. Такое употребление этого слова вызывает неизбежный скептицизм, по крайней мере, хочется использовать его как можно осторожнее. С другой стороны, общественное «доверие», равно как «недоверие» — это вполне устоявшийся предмет социологических исследований, мониторингов, опросов. Его уровень специалисты измеряют и изучают, например, «уровень доверия к общественным организациям» или «к первым лицам»¹. И с этой стороны, «доверие» — это что-то объективно существующее как общее свойство мно-

жества людей. Доверие как показатель эффективности системы. Почти что «доверие» как инструмент социальной инженерии.

С третьей стороны, «доверие» — то, без чего жизнь становится какой-то неполной, ненастоящей. Плохо жить, если некому доверять. «Твоя жизнь скудна, игемон», — говорил известный персонаж человеку, мучающемуся от того, что ему не с кем разговаривать, некому доверять. Доверие, возможность доверительного общения (которое можем узнать по тому, что больше нет нужды рассчитывать каждое слово или жест, контролировать степень открытости и т.д.) — это большая ценность. Качество общественных связей проверяется по тому, насколько они позволяют людям быть доверительными по отношению друг к другу. Иначе — скучная «просто жизнь» массового человека. И стоит ли тогда говорить о каком-то общественном развитии и т.п.?

С четвёртой стороны, говорить о «доверии» — это значит говорить о чём? Об отношениях? О любви? О власти

¹ Символическое и реальное общественное доверие: вопросы к экспертам [Экспертный опрос. Беседовал А. Павлов, 2009] — URL: <http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/interview/document10628.shtml>.

На пути к сообщительности

и её пределах? Наш современный язык (и язык академических статей, и язык блогосферы, и так называемый «язык улицы») не особенно приспособлен для разговора о человеческих отношениях. Он приспособлен для того, чтобы говорить об обмене, об освоении ресурсов — отсюда эти новации в сленге, самой гибкой части языка («распил», «откат», «развод» и т.д.) — и о насилии, без которого освоение ресурсов едва ли обходится.

В 2010 году в России вышел в прокат фильм Алексея Балабанова «Кочегар». Он не получил восторженных отзывов, криков, вообще какой-либо заметной реакции зрителей, даже сравнительно с предыдущими фильмами этого не самого «кассового» режиссёра. Отмечали его «техническое совершенство», итоговый характер для всего творчества и «завершённую, кристаллически ясную и выверенную эстетическую позицию режиссёра»². Но о том, в чём она состоит, эта позиция? Об этом жутко думать.

Балабанов выступает социальным диагнозом. Псевдореалистический фильм, действие которого происходит в неопределённом месте и в неопределённое время (узнаются конец 1990-х и Петербург, точнее, Кронштадт, но легко можно представить себе конец 2000-х — в Барнауле или Белгороде), но в современной России, показывает мир людей, живущих не-человеческой жизнью. Это жизнь, так сказать, физических «одушевлённых» тел. Они «решают вопросы», занимаются бизнесом, спариваются (сексуальные сцены, с которых фильм начинается, удивляют своей механистичностью и полным отсутствием эротизма), пьют. В процессе осуществления «жизнедеятельности» избавляются от тех, кто слаб или стал помехой, и тела убитых привозят к топке котельной. За всем этим безучастно наблюдает Кочегар — герой войны, контуженный ветеран, молчаливый мечтатель; он пишет рассказ о прошлом своего народа, но в этом рассказе — ничего, кроме насилия. Через кочегарку ведёт единственный вход в клуб, где развлекаются

² Дм. Ольшанский. Про уродов и якутов. // Персональный сайт Дм. Ольшанского. URL: http://olshansky.sitcity.ru/ltext_1509015048.phtml?p_id=1509015048.p_1508201108.

«крутые», то есть местные бандиты. Когда один из них оказывается умерщвлён в процессе выяснения отношений, он тут же отправляется в печь.

Эти люди-тела мало говорят друг с другом. В фильме гораздо больше буквально механической ходьбы по заснеженным улицам, чем разговоров. Один из основных персонажей, ветеран Афганистана, профессиональный и опытный убийца, не говорит вообще. Это не мешает ему обладать женщинами, и вообще — «решать вопросы», *коммуницировать*, взаимодействовать с остальными персонажами. Чтобы быть в таком мире успешным, вообще не нужны слова; достаточно языка жестов и двух-трёх слов. Но это — *не общение*. Недаром фоном постоянно играет весёлая, заводная и бессмысленная музыка — она мешает расслышать немногочисленные диалоги. Кажется, что такая музыка играет в сознании этих людей, отвлекая внимание от самих себя, на свои действия и лишая их возможности заговорить друг с другом. Многие вопросы повисают в воздухе без ответа: в этом мире вопросов не задают, их «решают». Кочегара навещает дочь: она фактически выгнала его из собственной квартиры и забирает всю его зарплату (но об этом зрителю говорится походя — в таком мире это просто факт повседневной жизни, не более), но чтобы сообщить ему действительно важное — мысль о будущем замужестве — она переходит на родной якутский язык. К «дяденьке Кочегару» приходят дети, но и разговоры с ними сводятся к пересказу той истории, которую никак не может достучать одним пальцем на своей машинке Кочегар. Тут уж действительно — «ни любви, ни тоски, ни жалости».

Мир, в котором о «доверии» или «сообщительности», симпатии, взаимном интересе людей почти ничего уже не напоминает (кроме спонтанно возникающих и ни к чему никого не обязывающих, заполняющих паузы между движением куда-нибудь, «разговоров по душам»). Это мир людей из «Левиафана» Томаса Гоббса, чья жизнь — как известно, состояние «войны всех против всех». В этом мире «...все люди равны, так как равенство людей основывается

на том факте, что каждый по природе своей имеет достаточно силы, чтобы убить другого. Недостаток силы может компенсироваться вероломством... участие в любом рода сообществе есть, по Гоббсу, дело временное и ограниченное, не меняющее сущности одинокого и замкнутого на себя индивида»³. Поэтому жизнь этих людей, по известному выражению того же Гоббса, «одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна». Хотя не без удовольствий, конечно, преимущественно телесных: секс, азартные игры, еда. Это мы?!

Такие фильмы смотрят не для удовольствия, но (в первую очередь) для познания мира: они, как и вообще искусство, находят имя — слово или образ, чтобы указать что-то, определяющее нашу жизнь, но трудно уловимое «обычными» органами чувств и рассудком. «Кочегар» — это «чистый тип» общественного уклада, к которому современное российское общество имеет тенденцию скатываться. Это доведённая до логического предела, до чистоты воплощения картина отношений, выстраиваемых благодаря «режиму разобщения». Так социолог и философ Борис Дубин назвал установившийся и успешно совершенствуемый в современной России режим общественных отношений. При нём «разрушение большинства социальных связей и форм, за исключением круга самых близких, выступает основой унификации социальных реакций большинства населения»⁴.

Роман Евстифеев в статье в нашем номере пишет о впечатлениях от недавних выборов: «Страшная тишина при общем крике, это завывания глухих, шум неведомого и жуткого механизма, заглушающий все наши слова... со всех сторон тексты и образы в форме монологов без всякой проверки и доказательств, без необходимости отстаивать свои идеи в дискуссиях. Никто ни с кем не разговаривает, никто никому ничего не доказывает (только если в судах: эти трудятся на полную катушку).

³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. / Пер. под ред. М. Ковалёвой и Д. Носова. — М.: ЦентрКом, 1996. — С. 206.

⁴ Дубин Б. Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики. // Pro et Contra, 2009, №1. С. 9.

На пути к сообщительности

Никто никому не верит». Разве это не мир «Кочегара»? Когда общественные связи разрушены, говорить в точном смысле слова *не с кем и не о чем*; разобщение и «недоверие» становятся естественным типом отношения к другим. В пиковые моменты политической жизни люди и ведут себя так, как они привыкли вести себя каждый день, просто более экспрессивно; монологи возвышаются до крика, споры превращаются в драки, но это изменения степени, а не качества.

Дубин связывает становление такого режима разобщения со специальными методами управления, применявшимися в нашей стране в постсоветский период. Когда государственная власть реально заинтересована в максимальном снижении способности людей к совместным действиям. Если коммунисты старались «объединять» население какими-то совместными (пусть и совершенно декларативными) целями, то их наследники старались, наоборот, лишить население чего-либо общего — и продолжают это делать.

Это фундаментальный фактор, но разве только власть определяет — замкнутся ли «люди» в собственных мирах-домах или же будут встречаться, создавать группы, движения, обсуждать важное? Власть не столь сильна и вездесуща, какой часто кажется и какой тем более хотела бы всегда представляться⁵. Не будем её слишком демонизировать. То «низовое» отсутствие интереса к «доверию», с которого я начал — такой же фактор социального разобщения, как и направленные «сверху» техники социально-коммуникативной демобилизации. И едва ли можно будет договориться, что тут считать первичным — это такой режим. Разобщение, недоверие, безразличие. И безответственность, конечно.

...И тогда появляется тема «интереса». За что отвечать-то? Общественная

⁵ «Тоталитаризм не только не тотален, но у него даже не бывает достаточно сил, чтобы добиться тотальности на отдельно взятом участке. Хоть немного евреев, да останется. Даже при Брежнев в Москве было три дома в частной собственности, а чистильщики ботинок не были госслужащими», — о. Яков Кротов. Небо под землей. Церковное сопротивление тоталитаризму. // Авторский сайт о. Якова Кротова — URL: http://krotov.info/yakov/5_hist/01/59_resist_0.htm.

со-общительность, связность, доверие за пределами интимного круга «своих» нужны, чтобы что-то важное обсудить и готовиться делать. В чём состоит мой интерес, чтобы я имел потребность сначала говорить с другим («чужим»), доверять ему достаточно, чтобы обсуждать *важное* (тем самым, открывшись, поставить себя под удар! — действие для гоббсианского человека «Кочегара» непростительно опасное) — и затем совместно действовать, разнообразно отвечая за это взаимодействие... Перед другими, перед собой, перед Высшим начальством (для кого оно действительно — таких немного, но они есть).

Если не осознан собственный интерес, если нечего терять, то и доверять «нечего». Что, кому и зачем? На нижнем уровне жизни при режиме разобщения проблематическая зона доверия съедается до интимного окружения. Проблематичным становится доверие к окружающим и самым близким — к родителям, детям. Такую ситуацию описывает **Дина Ши** в своём эссе. Режим разобщения сводит зону доверия до точки — до собственного единичного страдающего тела. Потом, если получится, можно будет объединять эти тела уже чисто механически в различные искусственные «общественные движения», которые даже эстетически отвращают от себя слишком многих, чтобы стать действительно массовыми и востребованными (примеры — у всех на виду). «Пробивает» и перенаправляет это движение атомизации собственный интерес. Осознанный личный интерес — стремление, желание, побуждение, с которым можно выйти к другим, чтобы, может быть, найти что-то общее, установить связь...

Для такого выхода за пределы собственной крепости нужен опыт доверия. Поэтому в подборку материалов включена статья **Анны Зайцевой** о создании мест, где незнакомые люди могут хотя бы попробовать вступить во взаимодействие, не опасаясь друг друга. Пусть это очень специальные места, и такое взаимодействие, как правило, не порождает прочных связей. Всё-таки клуб — это не домашняя вечеринка. Тут важен опыт становления «своим» для чужого человека, пусть и ритуализованного и огра-

ниченного форматом ночного времяпрепровождения. Всё-таки здесь люди друг с другом могут поговорить. Это шаг в сторону от мира «Кочегара», где тоже есть клубы, но в них-то ходят с пистолетами в кармане.

...Как только мы начинаем обсуждать «доверие» и его создание как социальное действие, сразу же возникает проблема языка. Как об этом говорить? Что такое доверие? Как его можно обсуждать не социологически и не политически? Какой бывает интерес, кроме материального? Что такое «общение», в отличие от коммуникации и от, так сказать, трэпа? Как связаны между собой доверие — интерес — со-общительность, сообщество? Приходится изобретать язык, очищая при этом собственную речь от напластований неподходящих смыслов и под-смыслов, порождённых десятилетиями разговоров в оправдание и объяснение насилия и во сокрытие собственных мыслей. Для этого мы публикуем материал **Николая Прянишникова**, где он объясняет историю и разнообразие значения понятия «интерес». Воссоздание общественной жизни — чтобы совсем не залезть в кочегарку — не может не сопровождаться изобретением языка. Может быть, окажется, что слово «власть» потеряет свою роль универсальной, всё объясняющей, метафизической категории. И на смену придут другие — то же «доверие», например, а то и совсем уже забытые в публичной речи слова: честь, достоинство, свобода, справедливость, любовь...